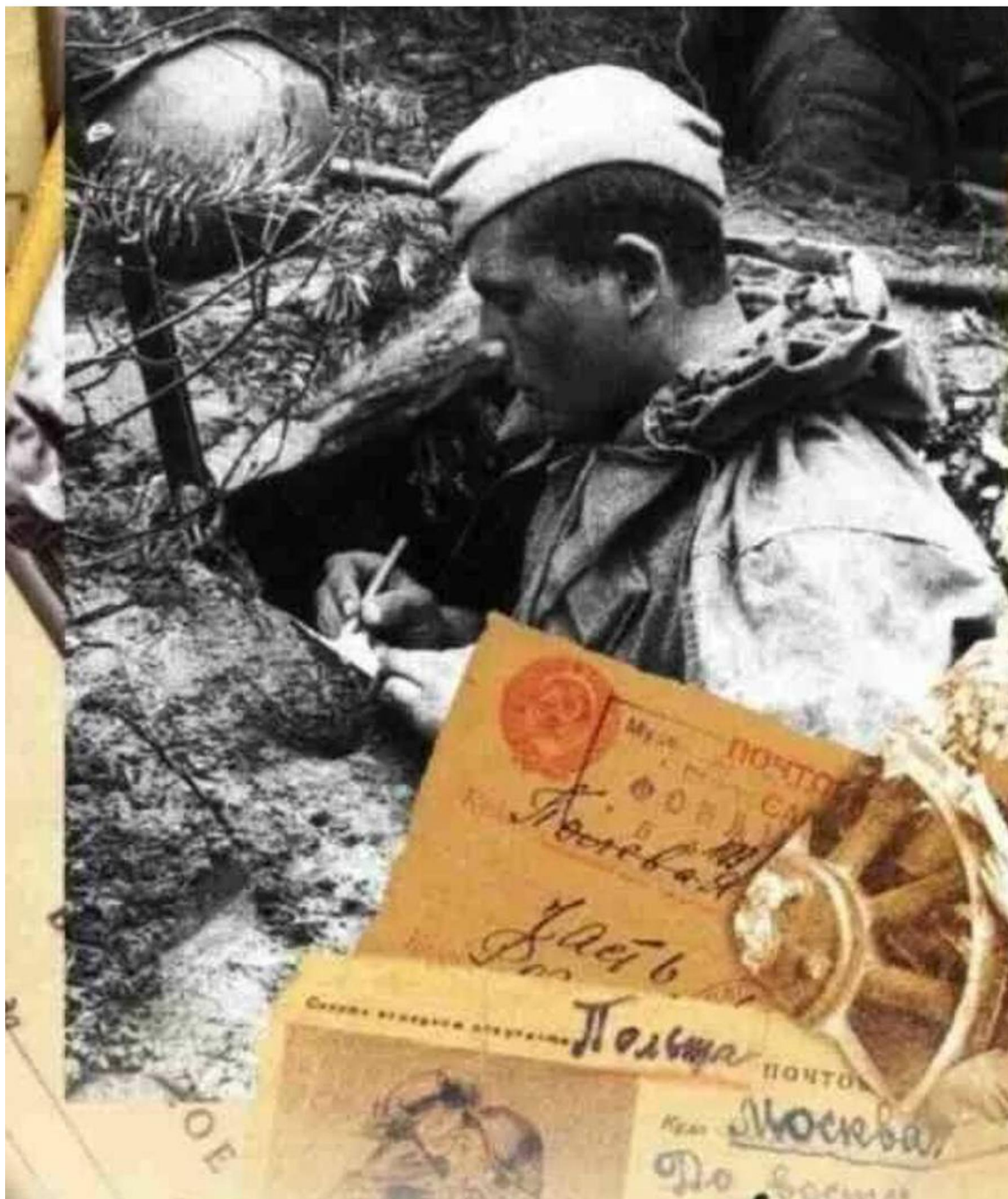

Елена К.

Ниточка между нами

Елена К.

Ниточка между нами

«Автор»

2026

К. Е.

Ниточка между нами / Е. К. — «Автор», 2026

История о любви, которая не боится ни грохота войны, ни глухой тишины разлуки. Анна — медсестра в прифронтовом госпитале: её мир — это запах йода и свежего хлеба, тихий смех мальчишки, который наконец-то поверил, что будет жить, и строгий, но бесконечно добрый кот Барсик, будто сам держит на себе тяжесть этих дней. Михаил — связист: его линия — провода сквозь грязь и обстрелы, его опора — жестяная коробочка с васильком и клочком бумаги с адресом госпиталя. Их связь — в письмах, где каждое слово выстрадано, а каждая строчка — как солнечный луч на холодном полу. В этих письмах — не только признания, но и маленькие чудеса: щенок Пушок, своим лаем спасший отряд, открытка с домиком и дымящейся трубой, ставшая талисманом, и вера в то, что даже самое хрупкое может удержать целый мир. Это книга о том, как любовь и доброта становятся щитом в самые тёмные времена — и как ниточка между двумя сердцами способна протянуться через любую бурю.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все главы	5
Письмо 1.	6
Письмо 2.	8
Письмо 3.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елена К.
Ниточка между нами

Все главы

Письмо 1.

Здравствуй, Анечка.

Прости, что письмо опять такое длинное — а может, и не длинное вовсе, просто тут время тянется иначе. Днём оно рвётся на куски: шаг, приказ, выстрел, снова шаг. А ночью вдруг становится огромным, как пустое поле, и в нём столько мыслей, что хоть записывай, хоть кричи — всё равно не выговоришь. Вот я и выбираю письмо: оно хоть и бумажное, а держит.

Пишу в блиндаже, где пахнет сырой землёй, железом и ещё чем-то горьким, будто сама тишина здесь прокопчена дымом. Фонарик зажигать нельзя, так что пишу почти на ощупь, карандашом, который уже сто раз точили, и он стал совсем маленьким, как воспоминание о чём-то мирном. Но я стараюсь выводить буквы ровно, чтобы ты, когда прочтёшь, не видела в них дрожи.

Сегодня был тяжёлый день. Тянули линию под обстрелом. Земля была мокрая, скользкая, будто сама не хотела, чтобы мы шли. Витька сорвался — не от страха, а просто нога поехала на мокрой глине. Он упал прямо там, где провод уходил в воронку, и на секунду всё замерло: и ветер, и грохот, и даже время будто споткнулось. Я прыгнул к нему, схватил за ремень, потянул. Он всё повторял: «Я же не хотел, я же не хотел», а я ему: «Ты живой, значит, всё правильно». Эти слова я будто не сам придумал, а услышал от тебя ещё тогда, у госпиталя. Ты ведь тогда сказала: «Всё будет хорошо» — просто, спокойно, без лишних обещаний. И вот теперь я эти твои слова таскаю с собой, как флягу с водой: мало, но если пить по глотку — хватает.

После мы всё-таки дотянули линию. Связь встала, затрещала, заговорила чужим голосом, и от этого стало даже странно легко: значит, мир ещё где-то есть, он не обрушился, он просто спрятался за дымом и ждёт, когда мы его нащупаем.

А потом, когда уже стемнело и можно было выдохнуть, я сел у стены и стал вспоминать тот день у госпиталя. Как ты стояла на крыльце, в белом халате, а за спиной у тебя светилося окно, будто весь дом улыбался. И знаешь, что самое странное? В ту минуту, среди гари, криков и мокрого снега, мне вдруг стало спокойно. Не потому, что было безопасно — нет, вокруг всё гремело. А потому, что ты была настоящей. Не из сна, не из памяти, а вот она, стоит и говорит: «Проходите, тут безопаснее». И я прошёл. И мне правда стало безопаснее.

Тут у нас мало времени на разговоры, а на письма и того меньше. Но мне хочется тебе писать. Не про бои, не про то, где мы стоим и сколько снарядов осталось. Про другое: про то, как однажды, когда всё это закончится, я хочу просто сесть с тобой где-нибудь, где тихо, и слушать, как чайник шумит. Чтобы пар поднимался, и ты наливала чай, и никто никуда не бежал, и не надо было ничего чинить. Хочу смотреть, как ты улыбаешься не для того, чтобы кого-то успокоить, а просто потому, что день хороший.

Ещё тут бывает, что люди рассказывают про дом. Кто-то про пироги, кто-то про собаку, кто-то про то, как по утрам кричат петухи. И каждый раз, слушая, я думаю: а что бы ты сказала? Наверное, что-то простое: как пахнет хлеб, когда его достают из печи, или как дождь стучит по крыше госпиталя, и все в коридоре улыбаются, потому что дождь — это значит, что земля дышит. Расскажи мне что-нибудь такое. Хоть строчку. Хоть два слова. Про утро. Про хлеб. Про то, как пахнет в госпитале, когда дождь стучит по крыше. Мне этого хватит, чтобы сегодня ночью не слышать, как земля вздрагивает.

Иногда мне кажется, что письма — это как ниточка: пока она тянется, ты не один. Вот я и тяну эту ниточку к тебе. Пусть она тоненькая, пусть ветер рвёт, но я держу. И буду держать.

У нас тут есть парень, Сашка, он из твоих краёв. Говорит, что знает ту самую улицу, где ты жила до войны. Рассказывает про дворы, про яблони, про то, как весной всё сразу становится зелёным, будто кто-то накинул на город новый платок. Я слушал и кивал, а сам думал: вот бы

ты сейчас была там, стояла под этой яблоней и смотрела, как распускаются листья. И чтобы всё было спокойно.

Не хочу, чтобы ты волновалась. Тут бывает тяжело, но я держусь. Держусь за эти маленькие вещи: за твою улыбку, за запах хлеба, за слова «всё будет хорошо». Они не прогоняют страх, но делают его тише.

Напиши, если сможешь. Хоть строчку. Расскажи про обычный день: как проснулась, как пила чай, кого встретила. Пусть это будет самое обычное письмо на свете — для меня оно станет самым важным.

Твой Михаил.

Письмо 2.

Здравствуй, дорогой Михаил!

Прости, что письмо такое неровное: пишу в коридоре госпиталя, пока есть короткая тишина между машинами. Карандаш скользит, бумага жёсткая, будто сама не хочет принимать слова — будто если написать всё как есть, то тяжесть станет настоящей. Но я всё равно пишу, потому что твоё письмо пришло, и от него вдруг стало светлее даже в нашем полутёмном коридоре.

Ты пишешь про тишину, про то, как она у нас будто одна на двоих. Знаешь, я теперь прислушиваюсь к ней. У нас тишина не такая, как у тебя: она не пустая, она дышит. В ней слышно, как кто-то стонет во сне, как медсестра тихо поправляет одеяло, как капли падают в жестяную миску, потому что крыша опять течёт. И ещё — как часы тикают над дверью приёмного покоя. Этот звук я люблю больше всего: он говорит, что время идёт, а значит, мы движемся куда-то, даже если сами не видим дороги.

Сегодня был тяжёлый день. Привезли троих с передовой — одного совсем мальчишку, лет девятнадцати. Он всё шептал: «Я не успел, я не успел», а я не знала, что он не успел — написать письмо, полюбить, дожить... Я держала его за руку и говорила: «Ты успел главное — ты дотянулся сюда. Теперь держись». И он держался. К утру стало легче. Он открыл глаза и спросил: «Где я?» — и когда я сказала, он чуть улыбнулся. Эта улыбка стоит всех моих сил.

А ещё у нас тут живёт кот Барсик. Он, кажется, единственный, кто не понимает, что война. Ходит между коек, садится кому-нибудь на грудь, мурлычет, будто лечит этим мурчанием. Вчера он устроился прямо на подушке у того мальчишки и сидел, пока тот не уснул. Я смотрела на них и думала: вот оно, самое простое чудо — кот, который не боится, и парень, который наконец-то спит.

Ты просил рассказать про обычное. Про утро. Так вот: утро у нас начинается не с солнца, а с запаха. Сначала — холодного воздуха, который врывается, когда открывают дверь. Потом — запаха йода, потом — хлеба. Его пекут в соседней пекарне, и когда хлеб привозят, весь госпиталь будто вздыхает: «Ещё один день». Я выхожу на крыльцо, как тогда, когда ты меня видел, и стою минуту, просто дышу. И в эту минуту мне кажется, что всё будет хорошо. Не всегда так бывает, но в эту минуту — правда кажется.

Иногда я думаю, что мы, медики, тоже держим линию — только не из проводов, а из рук, из слов, из тишины, в которой человек может выдохнуть. Ты тянешь провода, чтобы голос пробился сквозь грохот, а я держу руку, чтобы человек не ушёл в этот грохот один. И мне хочется верить, что эти линии где-то соединяются. Что твоя ниточка и моя ниточка — это одна и та же дорога.

Ты писал про чайник, про тихий дом, про то, как хочется просто сидеть и слушать, как он шумит. Я теперь собираю такие минуты, как камешки в карман. Вот сегодня, когда машины уехали и стало тихо, я налила себе кружку кипятка, села у окна, и мы с Барсиком просто сидели и смотрели, как пар поднимается и тает. И я думала о тебе. Не про страшное, не про то, сколько дней ещё так будет, а про то, что когда-нибудь мы сможем сидеть рядом и смотреть, как пар поднимается, и не надо будет никуда бежать.

Тут у нас есть одна старушка, тётя Поля, она приходит каждый день, приносит вязанные носки и варежки для раненых. Говорит: «Нога в тепле — значит, душа не замёрзнет». И я ей верю. Вчера она принесла маленький вязанный мешочек и сказала: «Положи туда что-то от себя, пусть везёт». Я положила туда засушенный василёк — он рос у дороги, там, где мы разгружали машины. Цветок совсем простой, почти выцветший, но он был там, среди пыли и железа, и всё

равно тянулся к свету. Я хочу, чтобы он доехал до тебя. Вложу его в конверт — пусть будет тебе маленьким знаком, что где-то есть место, где о тебе думают и ждут.

Не хочу, чтобы ты думал, будто я жалуюсь. Я не жалуюсь. Просто рассказываю, как тут день складывается из маленьких вещей: из запаха хлеба, из мурчания кота, из улыбки мальчишки, из василька на обочине. Из этих вещей и держится жизнь.

Напиши ещё. Расскажи про небо над твоим блиндажом, про то, какой оно бывает утром. Или про что-нибудь совсем простое: про ложку, про пуговицу, про то, как пахнет земля после дождя. Мне важно слышать твой голос, даже если он написан карандашом на шершавой бумаге.

Береги себя, Михаил. Держи свою линию. А я буду держать свою. И пусть они где-то встретятся.

Твоя Анна.

Письмо 3.

Здравствуй, Анечка.

Твоё письмо пришло как раз в ту минуту, когда казалось, что день выжал из меня все слова. Мы только что вернулись с линии — опять рвало провода, опять тянули по грязи, будто сама земля не хотела, чтобы мы друг с другом говорили. А тут — конверт. И на нём твой почерк: буквы чуть скошены, будто ты писала на ходу, торопясь поймать минуту тишины. Я даже не сразу вскрыл — подержал в руках, чтобы сначала просто поверить: есть где-то место, где про меня помнят.

Ты пишешь про тишину, которая дышит. У нас тишина другая — она звенит. После обстрела воздух будто натягивается, как струна, и дрожит. И в этой дрожащей тишине слышно, как кто-то тяжело дышит рядом, как скрипит мокрая ткань, как падает капля с козырька каски. Но знаешь, читая твоё письмо, я вдруг перестал слышать этот звон. Вместо него услышал тиканье часов над приёмным покоем, капли в жестяной миске, мурчание кота. И стало легче. Как будто ты протянула мне через линию фронта кусочек своего госпитального мира — тёплого, живого, с запахом хлеба и йода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.